

Л. С. Циманович

РУССКИЕ ИМПУЛЬСЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПЕТРА II ПЕТРОВИЧА НЕГОША

6+

Людмила Циманович

Русские импульсы в творчестве Петра II Петровича Негоша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63457076

SelfPub; 2020

Аннотация

В данной монографии представлены результаты комплексного исследования как явных, так и скрытых форм влияния русской литературы на творчество выдающегося представителя сербской литературы, церковного и государственного деятеля Черногории – Петра II Петровича Негоша (1813–1851). Его творческое наследие рассмотрено в контексте истории русско-черногорских связей. Осуществлен сравнительный анализ произведений черногорского поэта с тематически близкими сочинениями русских литераторов (Г.Р.Державин, М.В. Ломоносов, А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь), проведен исторический комментарий эпических песен Негоша, в которых поднимается тема России; проанализировано поэтическое переложение «Слова о полку Игореве» и выявлены авторские дополнения к тексту оригинала, установлены их причины.

Содержание

Введение	4
Глава I. Личность Петра II Петровича Негоша в общей истории славянства	20
Династия Петровичей-Негошей – носители идеи славянской общности	20
Россия в народном эпосе и в ранних произведениях Негоша	57
Сборник «Зеркало сербское» о славянской общности	69
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Людмила Циманович

Русские импульсы в творчестве Петра II Петровича Негоша

Введение

Петр II Петрович Негош (1813–1851) заслуженно является классиком югославянских литератур. В своем творчестве он сумел отразить национальные особенности сербского характера, воссоздать картину жизни своего народа, детально прорисовав как бытовые составляющие ее элементы, так и духовные ценности, а также воплотить прочную взаимосвязь между эпическим народным началом и образцами мирового литературного искусства. При этом он, проявляя «сознание черногорца – серба – славянина» [145, с.35], всегда акцентировал внимание на неразрывной связи сербского (черногорского) народа с остальным славянским миром.

Негоша-поэта нельзя рассматривать изолированно от его общественной и политической деятельности: взгляды правителя Черногории, заслуженно получившей имя «славянской Спарты», находили прямое отражение в литературном твор-

честве. Его герои являются осмысленными носителями идей и процессов, имевших место на пути к обретению сербским народом независимости и утверждению своей идентичности в качестве национальной.

Многие славянские народы долгое время были лишены права на самоопределение – порой стоял вопрос не только о сохранении культуры и духовных ценностей, но даже о существовании вообще. В таком положении пребывали южные славяне на Балканах на протяжении пятисот лет, оказавшись под турецким игом. Однако и это не помешало черногорцам сохранить свою самобытность и сформировать традиции, в основу которых были положены мужество, храбрость, искренняя любовь к России и русским, а также заветы Косовской трагедии. Как верно заметила Е. Гуськова, «на черногорском характере выросло государство, на любви к России – независимость» [31, с.69]. Неудивительно, что именно здесь Негош родился и сформировался как великий славянский поэт и философ. Его учителями были гусяры, эпические герои и предводители Первого сербского восстания, а также отечественные и русские писатели. Они сформировали у Негоша убеждение о том, что славяне должны занять достойное место в семье европейских народов. А для реализации этой высокой цели, по мнению поэта, им нужно сохранять единство и держаться России, на которую возлагается задача защиты и поддержки угнетаемых славянских народов.

Петр II Петрович Негош внес неоценимый вклад в раз-

витие русско-черногорских связей. Войдя в историю славянских народов не только как правитель Черногории, но, прежде всего, как поэт и философ, он сумел в духовном плане выразить признательность, уважение и гордость своих соотечественников по отношению к мощному славянскому со- брату, так как его «народ был всегда верен своему историче- скому преданию: «любить великую Россию» [110, с.32].

В жизни Петра II Петровича Негоша Россия занимала весьма значимое место. Русская культура в большой степени повлияла на становление личности Негоша-политика и лите- ратора. Как отметил И. Чарота, «до конца своих дней Негош с пиететом относился ко всему русскому; а русский язык, как-никак, для него стал посредническим в первоначальном знакомстве с произведениями Данте, Шекспира, Байрона, с сокровищами мировой литературы вообще. Конечно же, черногорско-российские отношения не всегда были безукоризненными... Тем не менее для них (черногорцев – Л.Ц.), как и для знаменитого «владыки Раде» любовь к России зависела не от временных интересов и симпатий» [146, с.57].

Негош два раза посещал с визитами Россию, будучи глав- вой государства, в 1833 и 1837 гг. Принимая во внимание незавидное положение Черногории в XVIII – первой поло- вине XIX вв., поддержка такого мощного союзника, как Рос- сия, сыграла определяющую роль в истории обретения этой страной суверенитета: «Русский двор того времени прекрас- но знал, какое значение может иметь Черногория в будущем;

он предвидел, что со временем она может быть для балканских славян тем же, чем был Пьемонт для Италии, и потому решил преобразовать Черногорию в княжество» [110, с.32].

«Свои надежды на освобождение южных славян Петр II Негош связывал с поддержкой России, как могущественного православного славянского государства» [5, с.71]. Общность веры и генетического корня представляли собой для поэта прочный фундамент взаимоотношений. Следует отметить, что идея единения славян является центральной во многих произведениях Негоша, призывавшего своих соотечественников забыть все распри и объединить усилия в борьбе против единого врага, «чтобы сохранить “гнездо свободы и юнацтва”, сохранить свои народные корни, свою историческую память» [65, с.32].

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что русские импульсы занимают важное место в творчестве П.П.Негоша. Поскольку понятия «импульсы», «аллюзии», «мотивы» являются основным объектом исследования данной работы, считаем необходимым разобраться в их значении. Под импульсами понимаются аллюзии, мотивы и темы, связанные с Россией и русскими в творчестве Негоша в целом. При этом аллюзии – это литературные ссылки на произведения русских авторов, в них включаются влияния и воздействия конкретных сочинений, а также подражания им. Мотивы для нас означают совокупность повторяющихся упоминаний, объединенных русской тематикой. А

под русской темой в творчестве Негоша понимаются вообще рефлексии о России, воплощенные в художественной форме.

Русская тема в литературном наследии Негоша непосредственно нашла воплощение в сборниках «Отшельник цетиньский», «Зеркало сербское», в ряде стихотворений и эпических песен, а также в драматической поэме «Самозванец Степан Малый» и поэтическом цикле «Свободиада». Заметно также присутствие идей восточнославянских писателей в его творчестве: особенно таких русских классиков, как А.С.Пушкин, Г.Р.Державин, М.В.Ломоносов. Аллюзии произведений русской словесности проявляются на уровне выбора средств художественной выразительности, жанра, общих мотивов и образов. Однако о слепом заимствовании со стороны Негоша говорить не приходится, так как, вдохновившись русскими образцами, он являл свое, аутентичное мироотражение. Мнение о том, что в Негоше сербская словесность обрела свое истинное предназначение, достигнув одного уровня с ведущими литературами Европы, подтверждается также тем, что его творчество ознаменовалось сочинениями, которые вполне сравнимы с произведениями других европейских классиков (Свидетельство тому — «Горный венец» его, сопоставимый с «Тарасом Бульбой» Н.В. Гоголя). Следует отметить, что интерес балканского поэта к России не ограничился мотивами в произведениях: Негош был первым, кто попытался переложить на сербский язык шедевр древнерусской литературы «Слово о полку Игореве».

Примечательно также, что перевод фрагмента первой песни «Илиада» был выполнен Негошем не с гомеровского оригинала, а со знаменитого переложения Н. Гнедича.

Интерес к жизни, творчеству, философским и политическим воззрениям поэта и владыки не угасает по сей день. Библиографический фонд литературы о Негоше значителен: «Др. Любомир Дуркович-Якшич в 1951 г. в своей „Библиографии о Негоше“ приводит 3085 библиографических единиц; к 1966 г. библиография пополнилась ещё на 2275 единиц. Между тем огромное число работ (книги, монографии, статьи) вышло и после 1966 г.» [58, с.8].

Ещё при жизни Негош вошел в круг сербской литературной элиты, а вскоре после его смерти уже появились первые негошеведческие исследования. В основном, это книги биографического характера, которые фиксируют моменты жизни поэта и правителя, запечатленные в памяти его современников. Главная ценность данных изданий заключается в том, что Негош в них представлен личностью живой, которой ничто человеческое не чуждо. Здесь, в первую очередь, следует указать такие монографии сербских авторов, как: «Жизнь Петра II Петровича Негоша, владыки черногорского» (*Живот Петра II Петровића Његоша, владике црногорскога*, 1870) В.Врчевича, «Письма из Италии» (*Писма из Италије*, 1881) Л.Ненадовича, «Негош – последний правящий владыка черногорский» (*Његош послѣдњи владајући владика црногорски*, 1882) М. Медаковича.

Наиболее фундаментальным исследованием жизни и творчества П.П. Негоша, написанным еще в XIX веке по праву считается монография русского филолога-слависта П.А. Лаврова «Петръ II Петровичъ Нѣгошъ владыка черногорский и его литературная дѣятельность» (1887 г.). В 2013 г. «Институт черногорского языка и литературы» издал ее перевод, что доказывает ценность этого исследования как для восточнославянской, так и для южнославянской литературоведческой науки.

Несколько позднее появился труд «Петр II (Раде) Петрович Негош, владыка черногорский, 1830–1851 гг.» (1889 г.) П.А. Ровинского, еще одного российского автора, который прожил в Черногории без малого 30 лет. Вклад Ровинского в историю и этнографию Черногории настолько ценится жителями этой братской страны, что они считают данного автора отчасти черногорским исследователем. Его книга тоже, 50 лет тому назад, была переведена на сербский и вышла под названием *Ровински о Његошу* (Ровински, П.А. Ровински о Његошу / П. А. Ровински. – Цетиње: Обод, 1967.- 274 с.).

Аналогичными по методологии исследованиями жизни Негоша являются «Петр II Петрович Негош как правитель» (*Петар II Петровић Његош као владалац*, 1896) Л. Томановича и «Петр II Петрович Негош в свое время» (*Петар II Петровић Његош у свом времену*, 1984) Е. Миловича.

Ценные исторические сведения о Негоше отражены в книгах Р. Драгичевича «Статьи о Негоше» (*Чланици о Њего-*

шу, 1949) и Н. Мартиновича «Изучение Петра II Петровича Негоша» (*Proučavanje Petra II Petrovića Njegoša*, 1949).

Отдельную категорию составляют исследования, посвященные религиозным, философским и историософским взглядам Негоша. Данный фонд литературы постоянно пополняется новыми публикациями, а основу его составляют труды, уже ставшие классикой: «Религия Негоша» (*Религија Његошева*, 1911) Николая Велимировича, «Негош как трагический герой косовской мысли» (*Његош као трагични јунак косовске мисли*, 1935) Иво Андрича, «Черногорский Прометей – попытка привязки философии Негоша» (*Crnogorski prometej: pokusaj povezivanja njegoševe filozofije*, 1940) М. Ракочевича, «Негошу книга глубокой преданности» (*Његошу книга дубоке оданости*, 1951) Исидоры Секулич.

Из работ, посвященных анализу отдельных произведений Негоша, прежде всего необходимо упомянуть докторскую диссертацию известного сербского литературоведа Йована Деретича «Композиция «Горного венца»» (*Композиција «Горског вијенца»*, 1969).

В 1999 г. в Подгорице был издан первый том «Негошевской Энциклопедии» (*Енциклопедија Његош*), главным и ответственным редактором которой выступил С. Томович, известный черногорский исследователь творчества поэта. В книге представлены материалы, отражающие разные стороны жизни и творчества П.П. Негоша, авторство которых принадлежит таким известным негошеведам Сербии и Черно-

рии, как Р.Лалич, С.Томович, Е.Милович, В.Латкович, Р.Джурович и др.

В литературоведении восточных славян также имеется значительный корпус исследований, посвященных разным аспектам жизни и творчества знаменитого поэта Черногории. В данной работе нами была предпринята попытка собрать и систематизировать имеющиеся российские и белорусские материалы. У восточнославянских филологов интерес вызывала деятельность Негоша как литератора, политика, философа и владыки. Большое внимание уделялось и уделяется переводам его произведений. Как уже отмечалось, первые работы, посвященные ему, появились еще в XIX веке: «Путешествие в Черногорию» (1847) А.Н.Попова, «Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие затем события» (1854) Е.П.Ковалевского, «Петр II Петрович Негош и его литературная деятельность» (1887) П.А.Лаврова, «Петр II (Раде) Петрович Негош, владыка черnogорский, 1830—1851 гг.» (1889) П.А.Ровинского. Упоминания о нем содержатся и в таких публикациях, как «Путевые письма из Славянских земель. 1839–1842» И.И.Срезневского, «Черногорцы (Из воспоминаний путешественника)» Н.И.Надеждина (1842), «Славянская Спарта (Очерки путешествия по Далмации и Черногории)» Е.Л.Маркова (1898).

Особый интерес фигура Негоша представляет для современных историков, доказательством тому являются много-

численные научные работы – Н.И.Хитровой, Ю.П.Аншакова, Я.В.Вишнякова, Р.Распоповича, О.В.Селина... С литературоведческой точки зрения отдельные аспекты творчества сербского поэта рассматривали В.К.Петухов, М.А.Зенкевич, Ю.Д.Беляева, Н.Д.Блудилина, Р.Ф.Доронина, М.Мичович, Е.А.Осипова. О проблемах перевода, толкования, семантики и языковых особенностей сочинений Негоша писали и русские, и сербы – И.А.Жилунов, А.А.Шумилов, Р.Мароевич, Л.И.Раздобудько-Чович. Примечательно, что не остывает интерес к религиозно-философским взглядам поэта-митрополита, о чем свидетельствуют выполненные в последние два десятилетия научные исследования иеромонаха Кирилла (Бойовича) и иеромонаха Исаяи (Лукича), которые защищены в качестве диссертаций при Московской духовной академии. Что касается рецепции произведений Негоша русскоязычными читателями, то, следует отметить, что поэма «Горный венец» полностью переводилась на русский язык четырежды – А. Лукьяновским (1887 г.), М.Зенкевичем (1948 г.), Ю.Кузнецовым (1988 г.) и А.Шумиловым (1996 г.); причем первые попытки перевода предпринимались еще в XIX в. Имеется также перевод еще одного значительного произведения – «Самозванец Степан Малый», осуществленный в 1988 году В.Корниловым. Особого внимания заслуживают два перевода еще одной негошевской жемчужины – поэмы «Луч микрокосма», выполненные О.Мраморовым и И.М.Числовым, а изданные в 2016 г. Примечатель-

но также, что в русской литературе личность Негоша неоднократно становилась предметом художественного осмысления. Это песня, сложенная И.И. Срезневским в духе эпической – «Бог те живи, господине княже...» (Петру II Петровичу Негошу), стихотворение М. Завьяловой «Сербская осень», повествования Ю.Лощица «Монах и черногорская вила» и С. Сокурова «Сказания древа Корь».

Несмотря на то, что Россия сыграла исключительную роль в жизни и творчестве Петра II Петровича Негоша, а в восточнославянской исторической и филологической науке существует немало трудов, освещающих отдельные аспекты данной темы, отдельное системное исследование по изучению русских импульсов до сих пор не проводилось.

Соответственно, актуальность данной работы состоит в том, чтобы восполнить указанный пробел и попытаться наиболее полно представить имеющиеся в творчестве Петра II Петровича Негоша русские импульсы (аллюзии, мотивы и темы, которые свидетельствуют о воздействии).

Новизна исследования заключается в том, что в нем представлены результаты комплексного рассмотрения как явных, так и скрытых форм влияния русской литературы на творчество Негоша. Осуществлен сравнительный анализ произведений черногорского поэта с тематически близкими сочинениями русских литераторов (Г.Р.Державин, М.В. Ломоносов, А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь), проведен исторический комментарий эпических песен Негоша, в которых поднимает-

ся тема России; проанализировано поэтическое переложение «Слова о полку Игореве» и выявлены авторские дополнения к тексту оригинала, установлены их причины.

Объектом исследования является творческое наследие П.П.Негоша, в контексте истории русско-черногорских связей периода правления династии Петровичей-Негошей.

Предметом исследования стали эпические песни Негоша, отражающие исторические связи между Черногорией и Россией – в частности, произведения сборников «Зеркало сербское» и «Отшельник цетиньский», стихотворения славянской тематики о роли поэта и поэзии, драматические поэмы «Горный венец» и «Самозванец Степан Малый», переводы с русского языка, а также сочинения русских поэтов, влияние которых в негошевском творчестве так или иначе заметно.

Целью исследования является выявление русских импульсов в творчестве П.П.Негоша, а также различных факторов, влиявших на восприятие поэтом России; определение роли русской (восточнославянской) культуры в формировании его взглядов как мыслителя и писателя. Для реализации данной цели ставится ряд конкретных задач:

- изучить влияние идей митрополитов из династии Петровичей–Негошей на представление о славянской общности у Петра II Петровича Негоша;
- проанализировать взгляды Негоша по славянскому вопросу и роли России в его решении;
- определить русские мотивы в эпических произведениях

Негоша, а также дать комментарий к ним;

- сопоставить произведения Негоша с сочинениями русских поэтов, влияние которых предполагается;

- провести анализ драматической поэмы «Самозванец Шчепан Малый» на предмет определения авторского отношения к России;

- рассмотреть роль русской литературы в формировании переводческих интересов Негоша (на примере переложения «Слова о полку Игореве»);

- собрать и систематизировать имеющийся в русском и белорусском фондах корпус исследований и литературно-критических материалов, посвященных Негошу.

Положения, выносимые на защиту:

- любовь к славянству и России у Петра II Петровича Негоша имела преемственный характер, она сформировалась под влиянием предшественников из династии Петровичей-Негошей, а также предводителя Первого сербского восстания Карагеоргия Петровича;

- многоплановое русофильство Негоша было искренним, т.к. в сознании поэта мощная восточнославянская страна всегда воспринималась как защитница угнетенных православных народов, именно такой образ России изначально утвердился в его творчестве, доказательством чему служат ранние эпические песни, а также произведения русской тематики, включенные в антологию «Зеркало сербское»;

- в поисках собственного поэтического стиля Негош увле-

кался творчеством Г.Р.Державина, М.В.Ломоносова и других русских поэтов XVIII в.; наследуя их, Негош оказался под влиянием классицизма; однако из сочинений русской литературы данного периода Негош заимствует не только форму и средства художественной выразительности, но также темы, образы, идеи (тема Бога и Божественного начала, образ России в славянском мире), которые останутся неизменными в его творчестве до конца жизни, несмотря на творческую эволюцию;

– высшее воплощение искусства слова славян П.П.Негош видел в творчестве Пушкина; влияние А.С. Пушкина на Негоша носило характер не поверхностный (на уровне формы), а глубинный, что прослеживается в общих литературных интересах, жанровых особенностях, образах и приемах;

– после недолгого увлечения поэзией классицизма, истинное предназначение сербской литературы Негош видит в развитии эпического народного начала; этим объясняется его интерес к фольклору и выбор десятисложного стиха в качестве размера, по которому впоследствии он стал узнаваем; народную эпiku поэт расширяет введением новых жанров (драматическая поэма), тем и героев, что позволило ему создать произведения, сравнимые с мировой классикой (в том числе и русской: «Борис Годунов» Пушкина, «Тарас Бульба» Гоголя);

– П.П. Негош признавал уникальным славянское искусство слова, о чем свидетельствует попытка перевести восточ-

нославянский памятник литературы «Слово о полку Игореве»; причем сохранившиеся отрывки его переложения с некоторыми авторскими дополнениями передают сербскому читателю содержательную наполненность оригинала;

– завершающим произведением Негоша стала драматическая поэма «Самозванец Степан Малый», в которой автор размышляет об исторической судьбе и характере своего народа, а для этого избрал сюжет, основывающийся на событиях, напрямую связанных с Россией, таким образом подчеркивая особое место этой страны в сознании черногорцев.

В исследовании применялись следующие методы: культурно-исторический, биографический, научно-источниковедческий, компаративный, герменевтический; также был задействован текстологический анализ произведений. Для определения отношения Негоша к персоналиям и вопросам, затрагивающим и представляющим Россию, использовался аксиологический подход.

Теоретическая значимость исследования состоит в принятой попытке комплексно рассмотреть как явные, так и скрытые влияния русской литературы на формирование поэтического стиля Негоша посредством сравнительного анализа его произведений с тематически близкими сочинениями русских литераторов (Г.Р.Державин, М.В.Ломоносов, А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь), а также переложения «Слова о полку Игореве».

Практическая значимость работы заключается в том, что

ее материалы могут быть использованы в программах подготовки студентов-филологов по специальности «сербский язык и литература», а также при исследовании связей между восточными и южными славянами в целом и сербско-русских литературных контактов в частности.

Глава I. Личность Петра II Петровича Негоша в общей истории славянства

Династия Петровичей-Негошей – носители идеи славянской общности

Оценивая вклад Петра II Петровича Негоша в развитие межславянских, в частности – русско-черногорских, связей нельзя обойти вниманием стоявших у истоков черногорской государственности его предшественников, многие идеи которых Негош реализовал в своей общественной и политической деятельности, что, в свою очередь, нашло отражение и в его творчестве. Маленькая горная область, ставшая оплотом свободы и независимости в регионе, разделенном между мощными политическими игроками (Османская империя и Венецианская республика, а затем и Австро-Венгрия), с приходом к власти династии Петровичей-Негошей стала позиционировать себя как независимый геополитический субъект. Передавая власть от дяди к племяннику, Петровичи-Негоши не только сформировали представление о Черногории как государстве у своих подданных, но также за-

ставили соседние страны и народы рассматривать населенный ими горный регион как самостоятельное государственное образование.

Согласно преданию, Максим Црноевич, правивший Черногорией до 1516 г. – последний представитель династии Црноевичей, которая была ответвлением рода Неманичей, – «по совету своей жены Марии, дочери венецианского дожа, в общем народном собрании власть над Черногорею передал цетиньскому епископу Вавилу, а сам удалился в Венецию» [19, с.9]. С тех пор православные митрополиты возглавляли не только духовную, но и светскую власть в Черногории, которая сохраняла автономный статус в юрисдикции Османской империи, будучи под протекторатом Венецианской республики, контролировавшей ситуацию в регионе с помощью назначаемых гувернадуров из числа представителей влиятельных черногорских родов.

Балансируя между мощными силами, черногорским митрополитам приходилось сталкиваться с нарастающими притязаниями на подчинение со стороны турок, которые применяли не только административные меры воздействия на население, но и всячески стремились увеличить свое влияние среди черногорцев посредством распространения ислама, принятие которого считалось главным признаком подчинения султану.

Из черногорских митрополитов первым, решившимся на открытую борьбу с турками был Даниил Шчепчевич Петро-

вич Негош (1670–1735), который, став во главе Цетиньской митрополии в 1697 г., явился основателем династии Петровичей-Негошей, возглавлявшей Черногорию на протяжении более чем 220 лет (1697–1918).

Владыка Даниил – выдающаяся личность истории Черногории: он сумел заложить в Цетине фундамент центра политической борьбы славян за независимость от османского владычества на Балканах. Многие идеи Даниила, которыми впоследствии руководствовались его потомки, легли в основу черногорской программы государственной политики. Среди этих идей особо выделяется ориентация во внешней политике на Россию, как на мощного союзника, способного не только защитить маленькую Черногорию и православное население Балкан, но и вместе с ней вести военные действия в регионе: «Отношения с Россией митрополит Даниил считал жизненно важными для Черногории, а также важнейшей опорой собственной политической концепции. Отсюда следует его огромное воодушевление и полное принятие русского призыва совершить нападения на османские города... Он верно предугадал перспективное значение союза с русскими и важность, которую для Черногории может иметь получение русского покровительства в международных отношениях» [152, с.220].

Заполучить поддержку России, реализовавшуюся уже после смерти владыки, Даниилу удалось вступлением в войну против турок на призыв российского императора Петра I.

Причем, стоит отметить, что в данной кампании вклад черноморцев был многократно значительнее «по сравнению с другими славянскими народами Балканского полуострова, которым также были направлены воззвания Петра I» [117, с.16]. А это, в свою очередь, позволило российским властям рассматривать Черногорию как «важного для дальнейшей русской политики в этих областях центра антитурецкой борьбы» [117, с.16].

Выбор России в качестве защитницы интересов Черногории представлялся Даниилу правильным ввиду многих обстоятельств: во-первых, Россия – славянское государство, что подразумевало не только генетическую близость народов, но и сходство мировидения; во-вторых, это православная держава, а это придавало политическим отношениям смысл духовного единства; в-третьих, Россия обладала реальной политической, финансовой и военной мощью – тем, чего так не хватало Черногории; и, в-четвертых, ввиду своей географической удаленности Россия вряд ли могла притязать на подчинение Черногории в территориальном плане. Хотя, с другой стороны, удаленность России позволяла неприятельски настроенным соседним государствам чувствовать свое превосходство в регионе и делала Черногорию уязвимой в плане военного вмешательства.

Деятельность владыки Даниила нашла отражение в народной поэзии. О важнейших событиях, произошедших в эпоху его правления (мучения, пережитые им в плену у приняв-

ших ислам черногорцев, «расправа с потурченцами», принятие послов русского царя Петра Первого и последовавшая война с турками в ответ на русский призыв, поражение в данной войне и агрессия визиря Чуприлича и др.) повествуется в эпических песнях. В них владыка предстает как продолжатель борьбы за сохранение сербской государственности, утерянной на Косовом поле в 1389 г.:

*... пак имбане (владыка Даниил – Л. Ц.) поучења даје
што су наши стари учињели
и слободу како су чували
док погипе Лазар у Косову [100, V, с.25].*

Особое место образ владыки Даниила занимает в творчестве его потомка Петра II Петровича Негоша, который к нему обращается в таких произведениях, как «Свободи-ада» (*Свободијада*), эпических песнях сборника «Зеркало сербское» (*Огледало српско*) и в драматической поэме «Горный венец», где поэт «личную идею владыки Даниила претворил в общее стремление целого народа. Он эту смелую операцию такого авторитетного политика, каким был Даниил, возвел в единоклубную акцию всей Черногории. Расправа представлена как момент, когда все сербы чувствуют, что им надо окончательно поделить Косово с турками, когда кровь вскипела из-под земли, и когда, как никогда раньше, пришло время воевать. Ему (автору – Л.Ц.) казалось, что он уменьшит важность события, если оставит его только в руках владыки, как это сделала история» [109, с.25].

Негош во владыке Данииле видел инициатора возрождения сербского царства, утвердившего статус Черногории как прибежища несломленных духом борцов, нашедших здесь возможность для продолжения борьбы за свободу и веру, а также мудрого правителя, стремящегося к укреплению связей между славянскими народами. В негошевском поэтическом творчестве «подчеркивание роли владыки Даниила Петровича является утверждением потребности разумного руководства со стороны народного правителя» [154, с.207]. Данную миссию Негош пытался воплотить в своей деятельности по управлению страной, имея перед собой те же ориентиры, которым следовал владыка Даниил.

После Даниила кафедру митрополита занял владыка Савва (1700–1781), правивший Черногорией с перерывами более 45 лет. «В качестве правителя Черногории он был значительно представлен и имел большее влияние на пространстве духовной юрисдикции, территориально принадлежавшей другому государству, нежели в самой Черногории, а все, что он предпринимал в качестве политика, больше касалось его интересов как духовного лидера или же личных интересов. Редко случалось, чтобы наследник настолько отклонялся от принципов своего предшественника, как это произошло с митрополитом Саввой по отношению к деятельности Даниила. Также редкостью является то, что представитель династии своими политическими взглядами противопоставляется не только отдельным ее членам, а всей династии в

целом. Нет ни одной политической концепции митрополита Даниила, которую бы Савва принял; так же, как нет ничего из начинаний Даниила, что бы он продолжил» [152, с.221-222].

Цель своего пребывания во главе Черногории Савва видел в том, чтобы поддерживать хорошие отношения с Венецианской Республикой, избегая открытой конфронтации с Османской империей. На первый взгляд, данное политическое поведение должно было бы только способствовать внутреннему укреплению Черногории, понесшей значительные материальные и людские потери в ходе военных кампаний визиря Нуман-паши Чуприлича и Бечир-паши Ченгича. Однако отстраненность владыки Саввы от активного участия в решении государственных проблем привела к политическому кризису, в ходе которого на авансцену вышла загадочная фигура самозванца, представившегося российским императором Петром III и вошедшего в историю под именем Степана Малого. Существует мнение о том, что самозванец был ставленником части черногорской элиты, несогласной с провенецианской политикой Саввы и испытывающей русофильские настроения. По мнению авторитетного исследователя Ю.П. Аншакова, «это были противники митрополита Саввы – архимандрит Прасковицкого монастыря в Паштровичах Василий Глубиса и архимандрит Маинского монастыря Теодосий Мркочевич» [4, с.173].

Примечательно, что эпизод правления в Черногории Степана Малого стал литературной темой для двух сербских пи-

сателей (Степана Митрова Любиши и Петра II Петровича Негоша). Однако ни один из них не ставил вопрос о причинах появления самозванца, которые можно отыскать в политике Саввы. В то же время об успехе Степана Малого написано немало, причем писавшие отмечали как положительные, так и отрицательные стороны периода его правления. Пожалуй, самой известной литературной рефлексией о черногорском самозванце явилась драматическая поэма П.Негоша «Самозванец Степан Малый», ставшая результатом размышлений поэта о мировоззрении своих соотечественников, в котором Россия занимает особое место.

Что касается отношения митрополита Саввы к братскому восточнославянскому государству, то следует отметить, что открыто против России он никогда не выступал и, как мог, всегда старался способствовать укреплению связей между двумя странами. Владыка Савва посещал Россию в 1743 г., и продолжительность его визита составила больше года. Он был принят императрицей Елизаветой Петровной как «повелитель» Черногории, что подчеркивало независимый статус страны, выхлопотал материальную помощь для черногорского населения, а также был одарен драгоценной церковной утварью.

В отличие от владыки Саввы, политическая программа его двоюродного брата Василия Петровича Негоша была насквозь пронизана русофильством, что во многом роднит ее с идеями владыки Даниила, которые из-за его смерти не успе-

ли реализоваться. По замечанию Ж.Андрияшевича, в лице владыки Василия «родоначальник династии получил настоящего продолжателя, а остальные правители из семьи Петрович-Негош – неоспоримый пример политической мысли и деятельности. Петровичи-Негоши, которые стали во главе Черногории после него, добились, находясь во главе государства, бóльших успехов, чем митрополит Василий, но политические концепции, на основании которых были достигнуты данные успехи, в основном являются его заслугой» [152, с.224]. Хронологически период правления владыки Василия приходится на 1744-1766 гг., т.е. во главе Черногории он стоял еще при жизни Саввы, удалившегося в монастырь по причине появления более сильного лидера, но до появления Степана Малого.

В истории развития русско-черногорских связей владыка Василий стал инициатором проекта по переселению в Россию черногорских семей и принятию черногорцев на военную службу в российскую армию. Митрополит Василий писал: «Мы не ждем помощи ниоткуда, кроме как от Бога и сильного русского скипетра. Плачут бедная Сербия, Болгария, Македония, рыдает Албания в страхе, что падет Черногория. Уже пала Далмация, лишенная благочестия и униженная. Герцеговина стонет под ногами турецкими. Если Черногория будет освобождена, все к ней присоединятся. А ежели все-таки Черногорию захватят турки, то исчезнут христиане во всех тех краях» [33, с.100-101]. Об успехе его

проекта по переселению может говорить тот факт, что, «согласно данным, которые содержатся в архивных документах, в период с 1756 по 1759 гг. в Россию из Черногории и восточного берега Адриатического моря переселилось 1499 человек» [116, с.127], а это, при малочисленности населения Черногории, немало. Однако таким итогами данной кампании не были удовлетворены ни российская сторона, ни сам владыка Василий. Причиной тому стали препятствия со стороны Венеции и Австрии, которые не давали разрешения своим подданным на переселение в Россию. Хотя черногорцам препятствий они не чинили, но под видом подданных владыки пытались мигрировать жители Приморья, Далмации, Воеводины и других областей, находящихся под юрисдикцией Венецианской Республики и Австро-Венгрии. Серьезные осложнения вызывали также «междоусобные интриги и конфликты, которые сильно подрывали авторитет черногорского посольства и были неприятны русскому двору» [116, с.132], как и «непозволительное поведение после приезда в Россию» [116, с.132] со стороны черногорцев. Все это не способствовало укреплению авторитета владыки Василия в высших российских кругах. Между тем, его энергия и неустанный труд (о чем свидетельствует многочисленные обращения к представителям власти на самых различных уровнях) все-таки дали свои результаты: «Из-за сложного положения, в котором находилась Черногория после ожидаемого турецкого нападения еще во время пребывания вла-

дыки в России, через своих дипломатических представителей в Царьграде и Венеции царское правительство впервые официально выступило в защиту Черногории. Таким образом была принята определенная форма покровительства над Черногорией, т. е. показана готовность защищать ее от «султана турецкого и его воли». Безусловно, это был большой политический успех владыки Василия» [116, с.121-122].

Кроме того, митрополит Василий добился увеличения российской денежной субсидии (правда, выплачена она была лишь единожды, ввиду отсутствия подтверждения целевого назначения), которая формально существовала и раньше, но выплачивалась нерегулярно по причине плохого сообщения между Черногорией и Россией [см. 117, с.19]. Примечательно, что финансовая помощь в очередной раз была увеличена уже в период правления Петра II Петровича Негоша. Этих двух правителей из династии Петрович-Негош объединяет также то, что они привлекали внимание российских властей к проблеме образования в Черногории: владыка Василий, был первым, кто ходатайствовал об открытии в Черногории «славянских малых школ» [См.: 23, с.43]. В письмах российскому руководству он несколько самонадеянно утверждал, что «суть разума черногорского такова, что способна превзойти «и философа римскаго» [8, с.32-33], таким образом, считая распространение образования делом, которое будет способствовать укреплению православных ценностей, а вместе с ними и авторитета России в сознании черногор-

цев. «Однако школы в Черногории так и не были открыты, поскольку Синод потребовал от Коллегии иностранных дел выяснить, сколько и в каких местах требуется школ, а также выделить средства на их содержание. Только после этого Синод брался за подготовку учителей для черногорских школ. Коллегия иностранных дел с таким требованием Синода согласилась, заметив, что для положительного решения этого вопроса требуется время и дополнительная информация из Черногории. Поэтому по-прежнему единственными очагами образования в Черногории оставались монастыри, где обучалось небольшое число детей» [8, с.35]. Спустя несколько десятилетий Петр II Петрович Негош добился того, что в Черногории были открыты первые светские школы, причем финансирование на их учреждение и книги, разумеется, были выделены Россией.

Распространению информации о Черногории в России с целью привлечь внимание российских властей и получить денежную помощь и покровительство во многом способствовало издание в Петербурге в 1754 г. «Истории Черногории», автором которой был владыка Василий. Многие историки склонны критиковать владыку за то, что он намеренно допустил ряд неточностей в описании своей страны, связанных главным образом с преувеличением ее размеров и, соответственно, количеством военнопособного населения, включив в состав Черногории Венецианское Приморье, часть Герцеговины, бердские и североалбанские племена.

на [См.: 93, с.2-3]. Однако этому имеется объективное объяснение: указанные границы включали не фактическую территорию Черногории (состоявшую всего из четырех нахий), а пространство, на котором проживала паства владыки Василия, чей полный титул был «Митрополит Черногорский, Скендерийский и Приморский, Экзарх св. престола славяно-сербской патриархии в Печи»).

Свой исторический труд владыка Василий начинает с истоков династии Неманичей, причем находит их именно в Зете, подчеркивая этим историческое предопределение Черногории быть колыбелью сербского государства: «Симеонъ Неманя рожденъ отъ Князя Бела Уроша... Той Бела Урошъ провожалъ житіе у Зету, гдѣ теперь городъ Спужъ, и тамо родиль три сына, Давида, Константина и Стефана Неманю, нареченный послѣди въ иноцѣхъ Симеонъ» [15, с.I-II]. Большое внимание в «Истории» посвящается Косовской битве: автор приводит известные по эпическим песням эпизоды подготовки к битве, заговор Вука Бранковича против Милоша Обилича, последний ужин царя Лазаря и его напутственное слово войску, убийство султана Мурата и поражение сербской армии, в результате которого «умались Сербское Царство, которое всему свѣту' цвѣтало двѣсти і тридесять годъ» [93, с.6]. На Косовом поле были убиты правители сербских земель, за исключением Балши, прибывшего только на третий день по прошествии битвы, из-за чего тот был «въ печали великой, что на бою не успѣлъ» [93, с.7].

Но, несмотря на то, что ввиду междоусобных конфликтов за власть «скончася они славніи Деспоцки родъ, остаде Герцогство Черногорское» [93, с.7]. Из повествования владыки Василия логично вытекает, что оно стало правопреемником сербского государства, доказав это в многочисленных боях за веру и свободу против турецких поработителей. Идея правопреемственности былой сербской славы Черногорией стала одной из центральных тем творчества Негоша, наиболее ярко представленной в драматической поэме «Горный венец». Её действующими лицами явились «славниіе полководцы» [93, с.9] владыки Даниила, не только участвовавшие в «расправе с потурченцами», но и «взявшие оружіе въ помощь Величества Его (русского царя Петра Первого – Л.Ц.) противъ Турокъ варваровъ» [93, с.9].

Следует отметить, что сущность русского вектора внешнеполитической деятельности владыки Василия была сформулирована в заключении «Истории»: черногорцы «за едину честь себѣ признать своимъ оружіемъ услужити Христіанскому Государю» [93, с.13]. При этом, как известно, Василий добивался официального протектората России над Черногорией посредством включения названия страны в полный титул императора. По мнению Василия, данная акция позволила бы сохранить и укрепить политическую независимость Черногории от турецких и венецианских притязаний. Вместе с тем, «он не хотел, чтобы русская помощь или защита носили характер христианской солидарности или милосты-

ни, которую богатая православная страна подает бедной, а чтобы ее (России – Л.Ц.) помощь была справедливой компенсацией за услуги и значение, которое Черногория имела в русской политике на Балканах» [152, с.225]. Признание заслуг России в качестве мощного союзника, а не повелителя, прослеживается и в поэтическом наследии Негоша, перенявшего и развившего идею своего энергичного предшественника. В одических произведениях российскому императору Николаю I, вошедших в сборник «Отшельник цетиньский», «Петр II Петрович остается однако свободным черногорцем, чуждым самоуничтожения, и ценит русского царя прежде всего, как «брата», как «защитника чернорских прав»[46, с.326]:

*А ми што смо браћа твоја
у плане црногорске,
те љубисмо глас слободи,
у наша ће проста срца
бит паметник подигнути
заштитнику наших правах –
Николају великоме* [100, I, с.72].

Стратегия союзничества прослеживается и в позиции следующего правителя Черногории из династии Петровичей-Негошей – Петра I Петровича Негоша (1748-1830 гг.)¹,

---

¹ Далее в тексте, наряду с полным именем владыки – Петр I Петрович Негош ,

хотя его отношения с Россией складывались не лучшим образом по разным причинам. Будучи одним из первых черноморских студентов, отправленных на обучение в столицу Российской империи, Петр I из-за смерти владыки Василия «не успел здесь закончить своего образования и принужден был возвратиться, по желанию народа, на свою родину» [46, с.409]. Следующий его визит в Россию произошел в 1778 г., когда молодой архимандрит Петр I по благословению владыки Саввы отправился в Петербург с целью вручить императрице Екатерине грамоту черноморского народа, в которой, кроме напоминания о поддержке, оказанной России в ратных делах, содержалась просьба выделить финансовую помощь. Данная просьба удовлетворена не была, «не потому, чтобы Екатерина II охладела к черноморцам, или усомнилась в их политической пользе для России, а потому только, что здесь, так или иначе, замешалось низкое чувство одного из ее царедворцев, именно, князя Григорья Александровича Потемкина» [46, с.409], который не хотел помогать черноморцам из-за своей неприязни к генералу Зоричу, сербу по происхождению. Несмотря на это, Петр I Негош не вычеркнул Россию из числа стратегически важных партнеров Черногории, о чем свидетельствуют следующие его слова, адресованные императрице Екатерине II: «Я никогда во всю свою жизнь не хочу быть больше в Петербурге. Однако, пусть

будут употребляться сокращенное «Петр I», «Петр I Негош» и свяцее «Петр Цетинский».

ее величество всегда будет уверена в моем теплом усердии и преданности к единоплеменному и единоверному славянскому царству. Я презираю свое личное оскорбление... Да будет счастлив ее престол, да возвысится слава народа русского, самая искренняя любовь к которому будет жить во мне до гроба» [46, с.414].

Следующим этапом сближения Петра I Петровича Негоша с Россией стало участие Черногории в войне России и Австрии против Турции (1787-1791 гг.), когда призыв присоединиться к военным действиям владыке поступил как из Петербурга, так и из Вены. По утверждению В. Жмакина, «владыка Петр подозрительно отнесся к предложениям Австрии. Он склонился в пользу войны с турками тогда только, когда получил от русского посла при Венецианской республике, Мордвинова, известие о том, что и Россия начинает войну с Портой» [46, с.414]. Между тем, на наш взгляд, учитывая неприятный опыт общения Петра I Негоша с российскими чиновниками, более объективно мнение Д. Радойевича, считавшего, что выбор в пользу Петербурга стал результатом сильных прорусских настроений, царивших в черноморском обществе, в результате чего «на собрании (Черноморском собрании – Л.Ц.) победило течение, которое выступало за русскую протекцию» [168, с.520]. Владыка не противился мнению народного большинства, так как ввиду многочисленных интриг и борьбы за власть в Черногории, ослабленной военными набегами скадарского визиря

Махмуда Бушатлии, поддержка менее популярной Австрии могла ослабить его авторитет. И хотя официальное обращение российских властей содержало призыв вступить войну ради защиты интересов христианства, Петр I Негош рассчитывал, что в случае победы Черногории удастся добиться независимого статуса от Османской империи. Но его желание не осуществилось, так как в тексте Ясского мирного договора между Россией и Турцией, Черногория не фигурировала вообще. Российские власти в официальной переписке с австрийским двором признавали ее независимость: «Порта, осознавая политическое существование Черногории, и не скрывая того, что эта страна находится вне всякой зависимости от нее, не может иметь ничего против ее сношений с Россией» [168, с.521]. Однако для формального международного признания Черногории ссылок на переписку было недостаточно.

Далее в отношениях между Россией и Черногорией под управлением Петра I Негоша наблюдается резкое ухудшение, связанное с интригами, направленными против него отлученным от Церкви архимандритом Стефаном Вучетичем, бывшим соратником владыки, который «начал распускать разные неблагоприятные слухи касательно владыки Петра Петровича, его двора и отношений его к России, рассчитывая таким путем подорвать доверие к нему русского правительства и при его сильной помощи удалить его с митрополии и занять его место» [46, с.418]. Вучетич обвинял митрополита

в ненадлежащем исполнении богослужебных дел, в продаже церковных ценностей с целью собственного обогащения, а также в попытках включить Черногорию в состав территории Наполеоновских Иллирийских провинций. Войдя в доверие к высшему российскому руководству, включая глав Священного Синода и министерства иностранных дел, Вучетич добивался полного отстранения владыки Петра I от правления Черногорией и ссылки его в Сибирь, что подтверждается письмом, адресованным Священным Синодом владыке. Для осуществления данного задания в Черногорию вместе с Вучетичем был направлен генерал российской армии, черногорец по происхождению, Марко Ивелич. По мнению В.Жмакина, руководимые личными интересами захвата светской и духовной власти в стране, они продолжили очернять образ владыки в глазах российского руководства. Но добиться отстранения Петра I от правления страной и ссылки его в Сибирь не смогли – сплотившись вокруг владыки, черногорцы отправили резкий ответ Священному Синоду, в котором заявили: «Господин наш, митрополит, остался в здешней церкви совершенно независимым ни от какой власти. И в самое древнее время христианскую веру мы приняли не из России, а от греков, и Россия по церковным правилам вовсе не имеет таких прав над нами, какие святейшие отцы синодальные заявляют, в отношении нас в своей грамоте. Мы до сих пор совершенно не знали того, что святейший русский синод имеет власть и попечение о славяно-сербском народе, который

живет вне русских пределов» [46, с. 445-446]. Консолидация черногорского общества с целью отстоять своего правителя, аналогично тому, как это произошло с Петром I Негошем, будет описана Петром II Негошем в драматической поэме «Самозванец Степан Малый» в сцене, где князь Долгоруков требует казнить самозванца, но черногорцы отказываются это исполнять по той причине, что Степан их устраивает как правитель и при этом, считая, что русский посланник не имеет права вмешиваться в их внутренние дела:

*Може бити у многим стварима
код вас право а код нас неправо,
код нас право а код вас неправо,
како што је ово за Шћепана* [100, IV, с.172-173].

Однако в понимании поэта разница между Степаном Малым и владыкой Петром I колоссальна: первый был самозванцем, в отличие от второго – легитимного правителя Черногории. «Степан появился в Черногории как узурпатор власти. Отстранение же от власти прямых предшественников Негоша со стороны Степана должно было оскорбить Негоша, и это стало причиной, почему Негош-поэт придал ему меньше значения и внимания, чем следовало бы» [166, с.156].

Нужно отметить, что в истории Черногории притязания на власть (духовную и светскую) имели место практически при каждом правителе из династии Петровичей-Негошей.

Сам Петр II также столкнется с черногорскими псевдопатриотами Иваном Ивановичем Вукотичем и Матеем Вучичевичем, которые, подобно Вучетичу и Ивеличу, посредством клеветы российским властям пытались унижить его перед Россией и ограничить влияние в Черногории. Попытки захватить власть посредством лжи и интриг (включая самозванство) были частым явлением в истории Черногории. Причем в ходе таких событий Россия всегда играла важную роль, ввиду своего духовного значения для черногорцев, а также оказываемой финансовой и военной поддержки. Вероятно, в этом и была одна из причин того, что Негош взялся на написание драматической поэмы «Самозванец Степана Малый». В ней говорится о том, что кроме непревзойденной доблести, черногорскому национальному характеру присущи и негативные черты (упрямство, жадность, легковерие); но это является не причиной национальных дезинтеграций, а следствием: в стране, где главная забота народа – найти хоть какой источник пропитания, легкие деньги (получаемые через власть) всегда будут притягательны. Это Негош понял как на своем опыте, так и из истории правления своего дяди. Петр I, будучи мудрым человеком, эти особенности национального характера своего народа знал, однако относился к ним по-философски, не переносил интриги, претензии на власть и клевету черногорских мигрантов, переехавших в Россию, неизменно воспринимая эту страну как союзника и защитника.

Славянский (русский) вектор политики всегда был важным элементом программы Петра I Негоша. Но главным приоритетом его деятельности оставалась Черногория, стремление отстоять и придать правовой характер ее независимости, а также упрочить благополучие черногорского народа. По этой причине в период охлаждения отношений с Россией, осознавая необходимость в мощном союзнике для противостояния Турции, владыка устремляет свои взоры на Францию, которая тогда создала Иллирийские провинции с автономией в составе французской империи. Сама по себе данная идея импонировала Петру I Негошу, поскольку таким образом впервые после дезинтеграционных процессов средневековья часть южных славян смогла объединиться и в рамках автономии развивать свою культуру, язык и суверенность. Однако вскоре вся Европа убедилась в том, что политика Наполеона носила не освободительный, а захватнический характер. Осознав это, Петр I становится ярким противником французского монарха, доказательством чего является его самоотверженная борьба против наполеоновских войск на Адриатике, подробно описанная и воспетая Петром II Петровичем Негошем в Десятой песне «Свободиады». Тогда черногорцы воевали на стороне России, что придавало их борьбе смысл братского единения с целью освобождения славян, проживающих на Адриатическом побережье. Эта военная кампания для Черногории закончилась лишь большими людскими потерями, не принеся желаемого рас-

ширения территории за счет присоединения Боко-Которского залива и других городов Адриатики. Но, по мнению историка Ж.Андрияшевича, таким образом Петр I восстановил в глазах российского императора образ Черногории как верного союзника России: «Свое непослушание он должен был искупать походом на фронт и жертвованием черногорцев ради бессмысленных боев, которые проводили русские офицеры. И для него, и для Черногории трагически обернулась вера в то, что он может безнаказанно брать от России деньги и получать политическую защиту, в то же время тайно проводя переговоры с ее политическими противниками» [152, с.237-238].

Вероятно, осознавая безрезультатность для своей страны участия в российских военных компаниях, Петр I Петрович Негош стремился наладить прочные дипломатические отношения с Петербургом, так как покровительство мощного славянского единоверного союзника было необходимо Черногории и в мирное время. И хотя при жизни самого владыки данная политика существенных результатов не принесла, ее плоды познал наследник и последователь – Петр II Петрович Негош. Ведь недаром перед смертью владыка наставлял племянника: «Молись Богу и держись России!» [164, с.496]. Только в восточнославянском союзнике он видел опору для создания независимого южнославянского государства.

Аналогичные взгляды разделял современник Петра I, предводитель Первого сербского восстания Карагеоргий

Петрович. Как отметил митрополит Амфилохий (Радович), «инициатор восстания сербского не Карагеоргий – инициатор сербского восстания, этой новой движущей силы в сущности сербского народа – Святой Петр Цетиньский» [1]. Петр I всегда оказывал Карагеоргию всяческую поддержку. Узнав о поражении восстания, а затем и о гибели вождя, скорбел: «Святой Петр был глубоко потрясен, когда убили Карагеоргия в Радованьском Луге в 1817 году. Это была глубокая рана, о которой он пишет в своих письмах, и эту рану он перенес на своего племянника» [1]. Неслучайно и Петр II Петрович Негош считал Карагеоргия величайшим представителем сербского народа, а себя – последователем идеи Великого вождя, который *«диже народ, крсти земљу, а варварске ланце сруши, / из мртвијех Срба дозва, дуну живот српској души»* [100, III, с.9]. Деятельность Петра I Негоша и Карагеоргия стала образцом для политических инициатив его преемника, продолжившего бороться за право сербского народа на самоопределение.

Петр I и Карагеоргий в понимании Петр II Негоша были настоящими патриотами сербского народа, а попытки осмысления предпринимаемых ими действий стали предпосылками для формирования идеи славянского возрождения на Балканах. Негош-поэт не раз обращался к этим двум личностям в своем творчестве, ставя их в один ряд с Милошем Обиличем, владыкой Даниилом, Вуком Мандушичем и другими героями, стремившимися возродить былую славу серб-

ского государства. Он вдохновлялся их подвигом и патриотизмом. Как отметил Е. Ковалевский, «чувство, в нем преобладающее, чувство, развитое в высшей степени – это пламенная любовь к родине, к ее славе, ее благоденствию; в этом отношении, он постоянно находится в каком-то восторженном состоянии» [59, с.20-21].

Политическая деятельность самого Петра II Петровича Негоша явилась периодом многочисленных преобразований в Черногории. В то же время она стала осмысленным продолжением начинаний предшественников из династии Петровичей-Негошей: Даниила, Василия, Петра I, которые отстаивали независимость Черногории, рассчитывая на поддержку и заступничество России, при этом воспринимая это мощное государство как партнера, отношения с которым строятся на принципах взаимопомощи и взаимоподдержки.

Все это нашло отражение и в поэтическом творчестве Негоша, где красной нитью прослеживается идея о России как о *«светиње опште силнога Славјанства»* [100, I, с.153].

Петр II Петрович Негош как духовный и политический

лидер южных славян

Петр II Петрович Негош² является знаковой фигурой не только в истории Черногории, но и славянских народов в це-

---

² Далее в тексте кроме полного имени Петра II Петровича Негоша будут использоваться сокращенные «Петр II», «Петр II Негош», «П.П. Негош» или «Негош», а также его имя до принятия монашеского пострига – Раде.

лом. Переняв славянолюбие у своих предшественников, он стремился к реализации идеи единства славян. Такие взгляды Негоша формировались и трансформировались под влиянием событий, на которые первая половина XIX века была богата: он испытывал как воодушевление, так и разочарование от перспектив славянских народов в европейском сообществе. Это нашло отражение и в его литературном творчестве, в котором славянский вопрос (по-другому – Восточный вопрос, как он определялся во внешнеполитической концепции Российской Империи) непосредственно затрагивается в ряде произведений.

Возможности успешного развития славянских народов Негош допускал только при условии их независимого существования. Напомним, что в начале XIX в. среди славянских народов фактической независимостью обладала лишь Россия, поэтому именно в ней Негош видел защитницу интересов славян, не обладавших государственностью и находящихся под юрисдикцией других держав (Австро-Венгрия, Пруссия, Османская империя). Россия действительно была не просто свободным государством, а мощным политическим субъектом, с мнением которого считались все страны.

Владыка Петр I, предшественник и дядя Негоша, связывал будущее своей страны только с Россией. Хотя политика императора Александра I по данному вопросу расходилась с его представлениями и надеждами, Петр Цетиньский четко осознавал, что Россия является той движущей силой,

которая однажды поможет маленькой горной стране добиться официального признания на мировой арене. В таком духе воспитывался его племянник Раде, впитавший любовь к России с молоком матери, – вся атмосфера, в которой рос будущий поэт и правитель, была пропитана пророссийскими настроениями. Россия стала также одной из первых тем творческого осмысления Негоша: ранние проявления поэтического таланта нашли свое воплощение в эпической «Песне о царице Екатерине II и турецком султани», которая, получив распространение в народной среде, также популяризировала образ великой России – грозы Османского царства.

Оказавшись во главе государства в юном возрасте (Раде было 17 лет, когда умер его дядя Петр I), он сразу столкнулся с давними серьезными проблемами черногорского общества – племенным сепаратизмом и борьбой за власть. Чтобы сплотить черногорское общество вокруг себя, Негошу нужно было заявить о себе как о правителе, получившем русское благословение. В связи с этим и было принято решение о хиротонии молодого владыки в России. Примечательно, что такой чести стремился быть удостоенным Петр I Петрович Негош, однако российские власти не дали на то своего согласия. А нового, молодого правителя по этой причине поездка в Россию возвеличила в глазах народа.

Будучи русофилом по своим убеждениям еще до поездки, Негош спустя полгода вернулся из Петербурга в полном восторге от увиденного. Большую роль в этом сыграло то, что

его принимали как настоящего правителя независимого государства на самом высоком уровне. И хотя по дороге в Россию молодой владыка останавливался в Триесте и Вене, нигде его появление не сопровождалось таким почетом, какой ему был оказан высшими правящими кругами Петербурга. Впечатления от российской столицы подтолкнули Негоша к поэтическому творчеству, выходящему за рамки традиций народной поэзии. Он начинает интересоваться российским литературным процессом и творчеством русских поэтов, открывая для себя новые жанры, приемы, стили. Особенно впечатлило его творчество Г.Р.Державина, причем не только в поэтическом плане – идейно Негошу была близка концепция просвещенной абсолютистской власти, принципы которой сформулированы в державинских стихотворениях. Впоследствии, реализуя свои реформы, «Негош повел дело таким образом, чтобы максимально сконцентрировать власть в своих руках и в руках своего семейства... Нарушение принципов и традиций местного самоуправления, с одной стороны, способствовало ликвидации хаоса и анархии в управлении, но, с другой стороны, разрушало основы демократического государства и создавало объективные предпосылки для оформления монархического режима во главе с династией Негошей» [125, с.12].

Идеи Державина Негош переосмысливает в своем сборнике «Отшельник цетиньский», в котором, помимо прочего, выражены славянофильские взгляды и определена роль Рос-

сии в реализации идеи освобождения славян. Уже в ранних своих произведениях поэт всю заселенную славянами территорию Балкан, находящуюся в границах Османской империи, рассматривает как единую сербскую землю, являющуюся, в свою очередь, составной частью славянского мира, у которого есть защитник и покровитель, «славян царь», в лице российского императора.

Первая поездка Негоша в Россию способствовала духовному обогащению не только самого поэта, но и его народа: в Черногории открылись первые светские школы за счет денежных средств, выделенных российским императором, в Цетиньском монастыре появилась типография, привезенная Негошем из Петербурга, а для работы в типографии из России в Черногорию был командирован русский специалист, которого в Цетине прозвали «штампадур». Известно, что еще Петр I Петрович Негош мечтал о приобретении для Черногории «двух типографий с гражданским и церковным шрифтами» [7, с.147] и просил российские власти через командированного им в Россию одного из племянников способствовать положительному решению данного вопроса, однако ввиду непредвиденных обстоятельств донести данную просьбу до уполномоченных лиц посланнику не удалось.

Открытие типографии было значимым и символичным фактом в истории культуры страны. Во-первых, это ассоциативно связывалось с возрождением давней, прерванной турецким игом традиции книгопечатания, возникшей еще

в конце XV века, при правителе Джурдже Черноевиче, который первым среди славян напечатал кириллическую книгу – «Октоих первогласник» в 1494 г. А во-вторых, типография – благодаря издаваемым в ней книгам и журналу «Грлица» – сделала Цетине одним из культурных центров православного славянства. Помимо собственных книг Негош публиковал здесь труды известных в то время авторов. Например: «Слава черногорская» (*Дика црногорска*) Симы Милутиновича, «Пословицы» (*Пословице*), «Сербский букварь» (*Србски буквар*) и «Сербская грамматика» (*Србска граматика*) Вука Караджича.

Поездка Негоша 1833 года в Петербург по вопросам статуса Черногории и расширения ее границ результатов не дала. Это, по мнению ряда историков, привело к разочарованию Негоша в балканской политике России, нежелавшей поддерживать военные действия Черногории, направленные на сохранение территориальной целостности. Такое мнение во многом было обусловлено комментарием В. Врчевича о впечатлениях Негоша после аудиенции у Николая I: «Какая взаимная симпатия на первый взгляд их соединила, такая же их – можно сказать – сейчас впервые серьезно развела» [21, с.42]. Однако следует вспомнить, что аналогичные рекомендации соблюдать мир на границах с Турцией и Австро-Венгрией периодически адресовались его предшественнику, Петру I Негошу, особенно после окончания русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Также следует отметить, что первый визит мо-

лодого правителя в Россию был связан главным образом с закреплением его авторитета в качестве черногорского владыки.

Вторая поездка Негоша в Россию состоялась в 1837 году. Но, в отличие от первой, она носила вынужденный характер и была продиктована обстоятельствами, грозившими отстранением Негоша от светской власти в Черногории. По причине интриг и притязаний на управление страной Негош был обвинен в растрате выделенных Россией на поддержание народа средств. Чтобы прояснить ситуацию лично, Негош отправляется в Россию. Ввиду серьезности обвинений, а также несогласованности предпринятой поездки, он был вынужден в Вене долго ждать разрешения на въезд в Россию, а затем в Пскове – на въезд в Петербург. Ожидая, пока завершится следствие, касающееся состояния дел в Черногории, Негош во Пскове все-таки чувствовал себя уязвленным, несмотря на то, что ему были оказаны все подобающие статусу почести. Хотя он и понимал, что причина неприятностей не в подозрительности российского госаппарата, а в притязаниях на власть в Черногории со стороны разного рода «прохожих, или гостей особого рода, руководимых особенными общими намерениями, появлявшихся и остававшихся на долго или на коротко в Черногории» [124, с. 254].

Поскольку на момент пребывания Негоша во Пскове прошло лишь около двух недель после похорон Пушкина, то провинциальное псковское общество, не избалованное со-

бытиями всероссийского масштаба, бурно обсуждало смерть великого русского поэта, в 1824-1826 гг. пребывавшего в Псковской губернии, куда он был сослан. Здесь Негош завязал дружеские отношения с местным губернатором Пещуровым, который был знаком с А.С. Пушкиным и искренне восхищался его творчеством. «Известно, что перенос тела Пушкина из Петербурга в Псков происходил в глубокой тайне и под строгим полицейским надзором. Вполне возможно, что Пещуров мог рассказать об этом Негошу» [82, с.60], с которым вел беседы «в духе, противоречащем официальной политике России» [82, с.60]. Негош и ранее становился свидетелем подобных разговоров еще в Вене, где он «общался с учеными людьми, видел мир, видел массы, взбудораженные идеями Великой французской революции, приобретал книги (на которые австрийская полиция наложила арест) и связался с движением революционной буржуазии, во главе которого стоит Франция» [160, с.18]. Популярные в то время революционные идеи повлияли на поэта таким образом, что он стал ярким сторонником вооруженной борьбы за освобождения южных славян из-под турецкого ярма, что, в свою очередь, противоречило мирным соглашениям между Россией и Турцией по результатам войны 1828-1829 гг.

По причине пассивности российской стороны на Балканах в 30-е гг. XIX в. Негош искал соратников среди других славянских народов и нашел ее у сербских уставобранителей, во главе с И. Гарашаниным, стремившихся к созданию

сербского государства, «которое сможет себя сохранить, находясь в поле интересов Австрии и России» [24]. Однако антирусская направленность деятельности уставообратителей «не могла получить полной поддержки в русофильской Черногории. Специальный представитель Людевита Гая в Сербском княжестве Степан Цар, рассказывая Заху о своем посещении Цетине, подчеркивал неизменные горячие симпатии черногорцев к России и в качестве одного из главных сторонников прорусской ориентации в Черногории называл секретаря Негоша Димитрие Милаковича» [97, с.72].

Негошу, тем не менее, в концепции «Начертания» И. Гарашанина импонировала идея создания независимого сильного южнославянского государства. Напомним, что похожие идеи высказывались еще во времена Первого сербского восстания и горячо поддерживались Петром I Петровичем Негошем.

Среди послов Илии Гарашанина в Черногорию особо выделяется фигура Матии Бана, славянофила из Дубровника, который свои впечатления от встреч с Негошем описал в работе «Данные о Петре II Петровиче-Негоше» (*Подаци о Петру II Петровићу Његошу*), опубликованной лишь через 33 лет после смерти поэта. По утверждению Б. Солеши, «Временной промежуток от их встреч до публикации записей большой (Бан ждал подходящих обстоятельств), но записи появлялись непосредственно после встреч и разговоров с Негошем» [131, с.32]. Данное мемуарное произведение

известно тем, что в нем содержится часто цитируемая фраза Негоша о его отношении к России: «Россию люблю, но не люблю, чтобы мне при каждой возможности давали ощутить цену той помощи. Я, государь свободной Черногории, настоящий раб петербургских причуд. Это меня уже замучило, и я хочу сбросить это ярмо» [11, с.103]. И хотя сам М.Бан, согласно тексту его сочинения, парировал Негошу, приводя доводы в пользу российской поддержки, данное высказывание часто используют как доказательство разочарования Негоша в русской политике. Все же оно является вырванным из контекста. Так, сам Бан подчеркивает, что приведенная фраза владыки является лишь выражением «уязвленной личной гордости» [11, с.104].

О безусловной поддержке Негошем идеи объединения славян свидетельствуют его письма, адресованные Е.Гагичу, И.Гарашанину, Й.Елачичу, Ф.Миклошичу, С.Вразу и др. [Подробнее об этом см.: 146, с. 25-36].

В общеславянском движении, охватившем Балканы, Негош действовал как абсолютный правитель своей страны. Сходно действиям императора Николая I, он готов был направить свои войска на помощь хорватскому бану Йосипу Елачичу для подавления революции в Венгрии 1848 г., будучи уверенным, что контрреволюционные действия русского и австрийского правительства носили характер, защищающий интересы австрийских славян. Позднее, осознав, «куда идут славяне в Австрии под предводительством

разных лидеров от Елачича, Райича и Шупликаца до Пражского конгресса, он начал постепенно разочаровываться. Это разочарование он демонстрировал в своих письмах и заявлениях» [160, с.41].

Перспективы славян в европейском обществе представляются Негошу в конце жизни весьма печальными. Крах концепций иллиризма и австрославизма, а также внутривосточная борьба в Сербии, не способствующая консолидации его страны для противостояния Турции, приводят к неутешительному выводу, сформулированному в письме «Одному сербу в Триесте»: «Эх, бедные славяне, что бы делала Европа без рабов, если бы не они? ... Если кто-либо хоть сколько-нибудь сомневался, что не рождены славяне для рабства, пусть посмотрит сегодня на их действия. – Может ли быть в мире что-нибудь отвратительнее их слепоты? Я всегда дивую даюсь, и никак надивиться не могу, как некоторым людям может быть рабство столь приятно! Они подобны щенку, потому что щенок вырывается в попытках обрести свободу, а когда ее получает, снова бежит к цепям, чтобы его привязали. Вот бы это счастье выпало мне самому и этой горстке народа славянского, и в нашем великом племени истинного вероисповедания, освященного людьми – и это бы нашим вековечным за свободу мучениям конец принесло; но напрасно, славяне одинаково к рабству стремятся» [100, VI, с.172].

И хотя «митрополитом Петром II Петровичем Негошем не была разработана документально оформленная полити-

ческая программа относительно образования объединенного югославного государства...», он горячо приветствовал все попытки, направленные к объединению южных славян» [5, с.74].

Жизнь П.П.Негоша оборвалась на 38 году – поэт не дождался признания независимости Черногории; не увидел он и желанного освобождения соседних славянских народов от австрийского и турецкого гнета. За полтора года до смерти Негош составил завещание, которое отправил с сопроводительным письмом Е.Гагичу, русскому консулу в Дубровнике и своему дорогому другу. В письме он просил Гагича: «Если случится, что я умру, прошу копии этого (завещания – Л.Ц.) отправить в Черногорию и Вашему начальству» [100, VI, с.187]. Таким образом все-таки он подчеркивал, что России доверяет исполнение своей последней воли, рассчитывая при этом на поддержку братского славянского государства. В завещании среди прочего Негош «наследником своим оставляет Данилу, сына Станко, и своего племянника» [66, с. 199-200]. Следует отметить, что в политике этого наследниканашли прямое продолжение нашли идеи поэта-правителя. Он осуществил те замыслы, которые были Негошу не под силу: во-первых, провозгласил себя первым светским правителем Черногории; во-вторых, добился поддержки России и Австрии в вопросе признания независимого статуса Черногории, следствием чего стало разграничение с Турцией и признание суверенитета со стороны Османской

империи; в-третьих, ему удалось расширить территорию государства за счет присоединения соседних областей; и в-четвертых, князь Данило укрепил собственную власть, придав ей четкие абсолютистские свойства. В эпоху правления князя Данило испорченные поначалу отношения с Россией из-за отказа от теократической формы правления и нежелания со стороны восточнославянского государства способствовать признанию независимости Черногории в мировом сообществе – постепенно восстановились, причем сотрудничество двух славянских держав стало носить характер братской поддержки и взаимопомощи. И в этом большая заслуга Петра II Петровича Негоша, который не только создал предпосылки для достижения политических успехов князя Данила, но и своим литературным творчеством заложил идеологическую основу для формирования принципов построения государства, в котором «*Не нита се, ко како крсти: / Но чија му крвца грије прси*» [100, I, с. 174], а главной ценностью провозглашается свобода от иностранных интервентов и возможность самостоятельно определять путь развития. Данный постулат является одним из ключевых и в поэзии Негоша, начиная от самых ранних произведений.

Глава

II

Русско-черногорское единство в эпических песнях Негоша

Россия в народном эпосе и в ранних произведениях Негоша

Косовская битва 1389 года навсегда осталась в памяти сербского народа, предопределив национальное сознание, что нашло отражение в народных эпических песнях: «Сложная социально-политическая обстановка оказала непосредственное влияние на проблематику эпических произведений, центральной темой которых стала борьба с турецкими завоевателями. Сербские героические песни стали откликом народа на реальные исторические события, вобрали в себя нормы поведения, народные идеалы и представления о том, каким должен быть настоящий воин» [84, с.182].

Особо следует подчеркнуть популярность героических песен в Черногории, где они исполнялись и сочинялись на протяжении веков после Косовской битвы, а имена героев песен стали нарицательными. Не случайно Иво Андрич обратил внимание на «живую силу косовской традиции, которая в тех горах и спустя столетия была действительностью, такой же близкой и реальной, как хлеб и вода» [2, с.5].

В ходе освободительной борьбы черногорцев конца XVII века, когда они добились фактической самостоятельности от Турции, а во главе их теократического государства стали митрополиты из династии Петровичей-Негошей, слагаются новые эпические песни, повествующие о важных сра-

жениях за независимость, на основании которых в дальнейшем сформировался цикл эпических песен об освобождении Черногории. Данному циклу присущ ряд отличительных особенностей: «Песни его во многом реальные. Краткие и простые, в основном без поэтических описаний, без длинных проповедей, почти совсем нет мотива о вилах и воронах, в них реально описаны бои черногорские с турками, прославляются только реальные личности... В них нет фантазий, как нет и юмора; в них только трезвый реализм в описании. Их повествование простое и стройное; язык в них простой и крепкий, вовсе не риторический» [3, с.62].

В Черногории народные сказители выработали определенный канон эпического стихосложения, так как рассматривали песни не только в качестве хранилища народной памяти, но и как средство информирования: «Эпические песни черногорские, повествующие о событиях новой нашей истории, отличаются от остальной эпической поэзии, среди прочего, ритмом и соблюдением исторической правдивости событий, о которых в них поется. Соблюдение точности событий новой истории было обусловлено также положением и ролью эпической песни в Черногории. Песня была средством общественной коммуникации, она давала оценки людям и событиям, определяла ценности. Она должна была соответствовать требованию правдивости, так как это и являлось условием ее существования. Только будучи правдивой, песня могла быть принятой и передаваемой» [153, с.9-10].

Для ранних произведений Петра II Петровича Негоша был характерен канон эпических песен цикла освобождения Черногории. «Негош относился к черногорской эпической поэзии не просто как поэт или как человек, с детства впитавший ее, но и как мудрый политик, осознававший громадное ее значение для судеб народа и страны» [111, с.246]. По мнению Й.Деретича, его дебютные произведения являлись скорее подражаниями эпосу, так как их отличали «содержание... и идейность, которые свойственны художественной литературе» [35, с.33-34]. Подобные произведения (*несме «на народну»*) получили распространение в Черногории во многом благодаря усилиям владыки Петра I Петровича Негоша, старавшегося «укрепить официальную черногорскую традицию, чтобы сделать ее опорой своей политики» [35, с. 33]. В качестве тем для своих первых произведений Негош выбирает заинтересовавшие его исторические события, о которых он узнавал из книг, хранившихся в библиотеке Цетиньского монастыря.

Примечательно, что уже в первых своих сочинениях Негош поднимает тему России и общности славянских православных народов. Именно таково содержание «Песни о царице Екатерине II и турецком султани» (*Одломци из песме о царици Катарини II и турском султану*), которая, к сожалению, дошла до нас лишь фрагментарно. Отрывки из нее сохранились в записи Вука Врчевича, автора знаменитой книги «Жизнь Петра Петровича Негоша». По утверждению Вр-

чевича, в 1829 году молодому поэту «попалась какая-то русская книжица о войне русской царицы Екатерины II и турецкого царя Сулеймана. Поскольку Раде достаточно хорошо знал славянский язык, то легко мог понять и русский. Книжица ему понравилась. Российская победа и турецкое поражение настолько его вдохновили, что он сложил об этой войне песню в духе народной, и так искусно это у него получилось, что потом по всей Черногории песня пелась, как самая любимая, а, может быть, и теперь поется» [21, с.13]. Врчевич приводит отрывки песни по памяти. Фрагменты, которые он вспомнил, касаются реакции султана на письмо российской императрицы, в котором она призывает Турцию прекратить надругательства над христианами, в противном же случае Османской империи грозит война с Россией:

*Не будали, влашка удовице!
Ђе ће овца с вуком ратовати
И грмуша орлу наудити?...
ако дигнух моје јањичаре,
сву ћу твоју земљу поробити,
поробити, ватром попржити,
а тебе ћу живу уфатити,
да ме двориш као робиница [100, V, с.252].*

Интересно, что в своей эпической песне Негош обращается к женскому персонажу, редко встречающемуся в чер-

ногорских эпических песнях – императрице Екатерине II. И хотя на политической арене она выступала как глава мощного государства и армии, в песне Негоша подчеркивается ее гендерная принадлежность (посредством упоминания угрозы султана сделать ее одной из своих наложниц). Собственно, мотив сватовства, женитьбы, усмирения непокорной невесты характерен как для сербского фольклора, так и для русского: «несмотря на его (южнославянского эпоса – Л.Ц.) героический и национальный характер, сюжеты сватовства занимали выдающееся место, начиная со старейшего периода (то есть одновременно с песнями о Косовом поле) ... в песнях «среднего периода», времен гайдуков и ускоков, число таких песен не уменьшается, а увеличивается; в томе III собрания Вука Караджича их насчитывается около пятнадцати. ... Однако и в русских былинах наряду с архаическими темами ... наличествуют былины типа «Соловья Будимировича», в которых сюжет сватовства разработан не в манере древней богатырской сказки, а в том новом стиле, специфическом для феодальной эпохи (сватовство заморских гостей и т. п.)» [45, с.109-110].

Следует отметить, что образ императрицы Екатерины II встречается и в некоторых черногорских эпических песнях, о чем можно судить по сборнику Симы Милутиновича «Песни черногорские и герцеговинские», который содержит такие песни, как «О Сербском Патриархе» (*О Сербском Патриарху*) и «Поражение татар» (*Слом Татарахъ*) с образом

«Мошковске Кральице» [88, с.100]. В последней из них говорится об угрозе султана в адрес российской императрицы, как и в песне Негоша:

*Ако ли ми те подати нећеш,
Кунем ти се а веру ти даем,
Е ћу силу покупити војску,
Похарати свуголик' Русију,
И најпосле тебе уфатити,
Узет'ћу те за верену лубу [88, с.105]*

Обращает на себя внимание также то, что в произведении черногорского поэта используются зооморфные метафоры (волк, овца, сокол, орел), весьма распространённые в народной поэзии. Данные средства художественной выразительности Негош впоследствии будет использовать в других своих произведениях. Так, например, подавление слабого сильным выражается через метафоры волка и овцы и в монологе владыки Даниила в «Горном венце»:

*Вук на овцу своје право има
ка тирјанин на слаба човјека [100, III, с.36-37].*

А метафора *змај*, подразумевающая врагов Черногории и России, прочно закрепится в творчестве Негоша и будет встречаться во многих его произведениях:

*Здружише се два велика змаја,
отправише Турке и Латине –
сто и тридест хиљадах пушаках –
да ухвате цара русинскога [100, IV, с.131];*

***

*ко шићера орла Павловича?
Соко итри на њег' не удари,
а за змаја одавна не мари [100, I, с.82].*

Образы змеи и орла, символизирующие Турцию и Россию соответственно, также встречаются еще в Негошевой «Новой песне черногорской о войне русских и турок, начатой в 1828 году» (*Нова пјесна црногорска о војни Русах и Тураках почетој у 1828. году*), где автор продолжает тему русско-турецких войн:

*И то било, тако потрајало
докле год је орла и аждера [100, I, с.36].*

Поскольку данное произведение дошло до нас целиком, то можно с уверенностью сказать, что его центральной темой является не столько военный конфликт между Россией и Турцией, сколько освобождение православного населения

Балкан от османского гнета, которое достигло своего апогея в ходе кампании 1828-1829 гг., когда российская армия вплотную подступила к Балканскому полуострову, считавшемуся до того неприступным, и заняла ряд болгарских городов.

По мнению исследователей, данное произведение было написано в 1829 году. Примечательно, что Негош подробно описывает начало войны 1828 года, но не уделяет особого внимания результатам. Лишь упоминание о вводе войск фельдмаршала Дибича на Балканы (июль 1829 г.) дает право утверждать, что это произведение писалось после окончания боевых действий. Не исключено, что оно было создано в 1828 году, а потом лишь дописано. «Песнь Негоша – это отзыв на современные события, в котором выражены пророссийские настроения. Поэт прославляет русские военные победы и ликует над поражением и слабостью Турции. Таким образом, песнь была в свое время очень актуальна. Исторические события в ней в основном отражены точно, за исключением некоторых отступлений в хронологии и гиперболизации, что, в общем, свойственно гусларской песне» [68, с. 275-276].

Заметим, что в ней имеется композиционное сходство с «Песнью о царице Екатерине II и турецком султани». Правда здесь уже фигурирует император Николай I, который посылает султану Махмуду II призыв прекратить издевательства над христианами на Балканах, в противном же случае не ми-

НОВАТЬ ВОЙНЫ:

*То све плаче мени непрестано
На проклете Турке зулум һаре
Да се од њих живјети не може...
Ја већ ово трпјети не могу,
Но ако си ка те зову људи
И ако те Туркиња родила,
Купи војску што највише можеш,
Хајде с војском у поље широко
Да на мегдан круне дијелимо [100, I, с.13-17].*

После некоторых колебаний, султан решается на войну, которая впоследствии была им проиграна, так как российские войска во главе с командующими И.И.Дибичем и И.Ф.Паскевичем провели успешное наступление. Вывод по отношению к Турции формулируется Негошем лаконично и четко:

*И нек зна се доклен је свијета
како чини бољи од горега,
и нек знаде грдни Османлија
да каурка може родит цара,
тер уз цара и Божијег дара.
Па како му још једанпут крескне
да без чуда из Европе скокне,*

*нек одлази откуда је доша;
вријеме је, срок је његов проша
ол' га тамо не бит ни овамо [100, I, 35-36].*

Автор радуется триумфу русской армии, так как она не только облегчила турецкое ярмо, но и явилась олицетворением победы православной веры, объединяющей славянские народы.

Весьма значим в данном произведении образ Карагеоргия Петровича – предводителя Первого сербского восстания (1804-1813гг.). Вообще, эта историческая личность занимает одно из центральных мест в творчестве П.П.Негоша. В «Новой песне черногорской о войне русских и турок, начатой в 1828 году» автор подчеркивает влияние Карагеоргия не только на ход сербской истории, но и на мировую политику. Так, турки считали организованное ими убийство Карагеоргия одним из своих важнейших достижений, направленных на сохранение целостности Османской империи:

*Ако л' су се сви краљи сложили,
и ту слогу разврћи је ласно
кад смо главу маја најжешћега
откинули, теби донијели –
из Тополе Црнога Ђорђије [100, I, с.19].*

А российский император скорбит о смерти предводителя

восстания, называя его своей «правой рукой» в вопросе защиты православной веры:

*Кад разумјех Србе витезове,
љуто ми се срце уверијеђе,
и жалост ме повиша пристиже
кад чух за смрт Црнога Ђорђија,
моје десне из рамена руке [100, I, с.17].*

И хотя это несколько преувеличено, фактом остается преданность Карагеоргия союзу с Россией, что иногда подается как причина поражения Первого сербского восстания – мол, это произошло из-за объявленного перемирия России с Турцией: «Некоторые писатели расположены обвинять Россию за это несчастье сербов, но что сам верховный вождь Сербии думал иначе, видно из того, что когда после бегства он очутился в Австрии, и пограничный генерал спросил его: где он, со спутниками своего изгнания, желает жить, в Австрии или России? – то он три раза отвечал одно, к великой злости Шваба: «*в России*». Во время же своего заключения австрийцами в Грацкой крепости, на вопрос губернатора Гогенцоллерна: какому царю верен? он, указав на русский орден, отвечал: «*чей знак на себе ношу, тому и верю, и останусь твердым в том до конца моего; а если бы не был верен ему, то и другому верным быть не могу*». В этом случае он должен был руководиться не только опасением за свою

жизнь в руках коварной Австрии, сто лет пред тем заморившей в своей тюрьме последнего сербского деспота Георгия Бранковича, но и естественным чувством доверия и расположенности к России, которое он разделял с сербским простым народом» [17, с.106-107].

Таким образом, уже в ранних своих произведениях Негош поднимал русскую тему, рассматривая ее в ключе славянского духовного единства, и уже на данном этапе в его творчестве появляется образ Карагеоргия – непримиримого борца за свободу, верного идее объединения славян.

В последующем интерес Негоша к народной эпике не гаснет, а лишь увеличивается. Подтверждением тому служат как его оригинальные произведения, так и антология эпических песен, им составленная и отредактированная.

Сборник «Зеркало сербское» о славянской общности

Сборник «Зеркало сербское» (*«Огледало српско»*, 1845 г.) раскрыл талант Негоша-собиранца народных песен. В этот сборник вошли эпические песни, отражающие самые важные сражения сербов и черногорцев, начиная с 1702 года до времени правления самого Негоша. Нет ничего удивительного в том, что у антологии именно такая тематика: «Борьба – наиболее частотный предмет отражения в поэзии Негоша, борьба земная с силами тьмы, или, точнее, черногорская борьба против турок и других завоевателей, которая в понимании Негоша была наивысшим смыслом, истинной поэзией жизни. Ратный мир Негоша «пьян» от героизма, а героизм понимается как поэтическое вдохновение героя» [35, с.14].

В «Зеркале сербском» поэт стремился показать освободительную борьбу южных славян против Османской империи и «хотел читателям преподнести воспитательную книгу» [71, с.485]. Для этого сборника он собирал и записывал эпические песни (делал это сам либо «другие грамотные люди из Цетине» [71, с.485], редактировал, порой кое-что менял и добавлял. «Зеркало сербское» включает 61 произведение – некоторые песни сборника ранее уже публиковались в собраниях Вука Караджича, Симы Милутиновича или в альманахе «Грлица». Авторство некоторых песен приписывает-

ся его дяде Петру Цетиньскому. Что же касается авторства самого Негоша, то по этому вопросу до сих пор существуют разные мнения. Точно установлено, что песня «Бой на Мартиничах» (*Бој на Мартиниће*) – его сочинение. Вук Врчевич в книге «Жизнь Петра Петровича Негоша» утверждает, что песня «Разграбление Жабляка» (*Похара Жабляка*) тоже принадлежит ему. Н. Банашевич предполагает, что «Гибель Бечир-бега Бушатлии» (*Погибија Бећир'бега Бушатлије*) и «Нападение на Салковину» (*Удар на Салковину*) также являются оригинальными произведениями Негоша.

Как уже было замечено, в «Зеркале сербском» автор-составитель стремился материалом эпических песен проиллюстрировать самые важные события в истории сербского народа, черногорцев в частности. При этом ему удалось подобрать тексты так, что при описании сражений упоминаются их причинно-следственные обстоятельства, из которых перед читателем (слушателем) предстает полная картина народной жизни: здесь изложена география страны, быт, обозначены главные неприятели. Мотив предательства и духовного единства прослеживается во многих песнях. Согласно концепции Негоша, как составителя антологии, черногорцы не раз страдали, доверившись иноверцам, в том числе и венецианцам. При этом они готовы сражаться и жертвовать всем ради свободы, православной веры и идеи славянского единства, о чем свидетельствуют произведения, в которых поднимается тема России: «Милорадович, посланник Петра

Великого» (*Милорадовић посланик Петра Великога*), «Чуприлич-визирь» (*Чуприлић Везир*) и «Степан Малый» (*Штепан Мали*). Включив данные произведения в свою антологию, Негош подчеркнул, что история Черногории неразрывно связана с борьбой славянских народов за независимость, в которой Россия сыграла важную роль. На Балканском полуострове – особенно.

В эпической песне «Милорадович, посланник Петра Великого», авторство которой приписывается Петру I Петровичу Негошу, повествуется об истоках русско-черногорских отношений и вековой дружбе между народами. Впервые данное произведение было опубликовано в «Истории Черногории» Симы Милутиновича (откуда и было взято Негошем), где оно приводится в качестве комментария к историческим событиям, легшим в основу песни. Обратимся к историческому содержанию произведения, чтобы понять, почему Негош выбрал его для сборника «Зеркало сербское».

Зарождение русско-черногорских дипломатических связей произошло в начале XVIII века, когда в Черногории правил митрополит Даниил Шчепчевич Петрович Негош (1670-1735), а в России царствовал Петр I Алексеевич Романов (1672-1725), который, пытаясь заполучить выход к Азовскому морю, вступил в войну с Османской империей. Для того чтобы одолеть противника, Петр Великий стремился найти в границах Порты союзников-христиан. При дворе русского царя в то время находился генерал Савва Владисла-

вич, серб по происхождению – родом из герцеговинского села Попово. Сима Милутинович Сарайлия в своей «Истории Черногории» утверждает, что именно генерал Владиславич порекомендовал Петру I просить помощи у черногорцев, которые «независимо живут среди своих могучих гор и вечно воюют с турками под предводительством своего православного владыки» [87, с.45]. Петр I согласился с предложением генерала, и вскоре по приказу, подготовленному Владиславичем, с детства знакомым с владыкой Даниилом, в Черногорию были отправлены два серба, находившиеся на службе у русского царя (Михаил Милорадович и Иван Лукачевич Подгоричанин) с грамотой русского правителя касательно взаимопомощи в военных действиях против Турции. Черногорцы с радостью приняли предложение братьев по вере, и в скором времени им удалось отвоевать несколько близлежащих городов. Однако ликование горцев было недолгим, так как в 1711 году Петр I заключил мир с Османской империей и, следовательно, черногорцы вынуждены были вернуться в свои горы. Положение изменилось лишь в 1715 г., когда, желая возродить государство и собрать вокруг себя черногорцев, владыка Даниил сам отправился в Россию, к Петру I за помощью. Русского императора восхитило мужество черногорского народа, «который без ничего, кроме голого геройства, восстал против всемогущего османского правителя, чтобы на поле брани разбить его и города и земли захватить» [87, с.58]. Петр Алексеевич издал указ о выплате Чер-

ногории ежегодной денежной субсидии в тысячу червонцев и впредь обещал поддерживать братский балканский народ.

Поскольку сборник «Зеркало сербское» является своеобразной историей Черногории, написанной народом и отражающей именно народное понимание описываемых событий, Негош стремился в нем представить самые значимые факты жизни черногорцев, привязывая их к конкретным сражениям и победам, впоследствии воспетым в народных песнях. Что касается песни «Милорадович, посланник Петра Великого», то здесь ситуация несколько иная: конкретные битвы не названы, а в конце произведения не воспевается победа. Однако нет в песне и акцента на поражении черногорцев. Если не обращаться к истории, то о серьезном поражении вообще трудно догадаться:

*Михаило пође у Русију,
а остави у рат Црногорце.
Како тадер, тако и досадер:
вино пију, с Турцима се бију,
и браниће с' док једнога има
од свакога, толи од Турчина,
од својега двојног душманина,
душманина вјере и слободе!
Није сјенка слога црногорска:
нејма тога тко б' их ујармио,
то л' их отле некуђ призајмио! [100, V, с.39].*

В то же время оптимистический пафос эпилога наводит на мысль, что победа черногорцев заключается именно в том, что они обрели братьев по крови и вере в лице русского народа, и, несмотря на то, что битва проиграна, сила славян заключается как раз в их единстве, которое еще успеет себя проявить:

*Ви сте с Русма и једнога рода,
једне вјере, једнога језика:
већ сроднији бит нејмамо куда
кад ко Руси јесте и јунаци [100, V, с.36].*

Народ верит в будущее славянского союза, и случившееся объясняет тем, что русский царь стал заложником обстоятельств:

*Јербо худи гласи допадоше:
Да се Петре с Турцим' умирио,
Не по вољи, него по невољи,
Што га бјеху Турци опколили
Близу Прута студене ријеке,
Тер му помоћ диоћи не могаше,
Ни остало што је војсци нужно.
Ове гласе када разумјеше
И владика и сви спасољупци,*

Уплака се мало и велико,

Свак жељаше христјанскога цара [100, V, с.39].

Последствия агрессии султана описаны уже в другой вошедшей в сборник «Зеркало сербское» эпической песне – «Чуприлич-визирь». Как и упомянутая выше, она повествует не о победе черногорцев, а, наоборот, о великом несчастье, которое их постигло. Данная песня охватывает события исторического периода с 1711 по 1717 гг., описывая поход великого визиря Османской империи Нуман-паши Чуприлича против Черногории в 1714 г., в результате которого страна фактически исчезла с политической карты региона:

Онда клети Турци одољеше:

попалише села и племена,

раскопаше цркве и олтаре

и манастир на поље Цетиње... [100, V, с.57].

Здесь также описано заключение союза с Венецианской республикой и предательство последней, договорившейся о перемирии с Турцией:

То му хвала и то му исплата

за његово врло пријатељство

што им дужде бјеше учинио,

предававши тужне Црногорце

да их кољу на земљу његову.

Хеј, лацманство, – далеко ти кућа! [100, V, с.58]

Собственно, предательство венецианцев было аналогично действиям Петра I и полковника Милорадовича во время кампании 1711 года. Однако в народном сознании отступление православных русских и прекращение войны католиками-венецианцами запечатлелось диаметрально противоположным образом: заложник обстоятельств русский царь противопоставлялся коварному венецианскому дожу. Немалую роль в формировании данных архетипов сыграла личность самого владыки Даниила и проводимой им политики. Будучи убежденным сторонником православного славянского союза, даже укрываясь от турецкой ярости в одной из пещер недалеко от Паштровичей, «одно письмо написал, из которого видны его отважный дух и рыцарство, даже в тех условиях не пошатнувшиеся, когда проявляя их, говорит: «Я москов, москов, москов!» [87, с.64]. В целях воплощения идеи славянского союза в жизнь, как уже было упомянуто, владыка совершил в 1715 г. поездку в Россию. Однако он понимал, что, к сожалению, «Бог высоко, а русский царь далеко, и что Черногория, принимая во внимание своих соседей, должна искать непосредственные средства и возможности, чтобы выжить» [138]. Поэтому кроме России, которая была опорой «больше моральной, обеспечивая при этом небольшую, но стабильную материальную помощь» [138], черно-

горский владыка вынужден был искать поддержки у Венецианской Республики, в которой тогда нашли укрытие многие его соотечественники, бежавшие из страны после похода Нуман-паши Чуприлича. Венецианцы весьма скептически отнеслись к русофильским взглядам владыки Даниила, однако нарастающая угроза Турции принудила их к союзу с черногорцами. «Черногорцы под начальством своего Владыки Даниила помогли Дожу взять Бар (Антивар) и Кастел-Новый от Турок» [88, с.70]. Однако в 1717 г. Венеция заключила мир с Османской империей, одним из условий которого была выдача укрываемых на ее территории черногорцев:

*Дужд за њима Турке напуштио
по свој Боки и свему Приморју –
похваташе мало и велико;
што л' у ропство водити не хћеше,
исјекоше мало и големо,
пак отале сабље окренуше,
с допуштењем дужда од Млетаках,
тер се Турици отле помакоше
преко равне земље Арбаније
и узеше дужду пријатељу
сву Морију међу море слано [100, V, с.58].*

В черногорском народном сознании «вину» венецианцев усугубляет исторически свойственная им подлость по от-

ношению к православным славянам: согласно давней эпической традиции, отношения с венецианцами и другими католиками всегда оборачивались для сербских героев печальным исходом, о чем повествуется в ряде эпических песен («Женитьба Душана», «Женитьба Максима Црноевича», «Милош у латинян» и др.), из которых напрашивается простой вывод: *«Латини су старе варалице»* [44, с.13].

Несмотря на очередное наступление турецкой армии, последовавшее после венецианского предательства, черногорцы смогли собрать силы и отразить удар неприятеля в битве возле села Трнине, о чем говорится в песне «Нападение на село Трнине» (*Удар на село Трњине*), где также есть упоминания разрушительного похода визиря Нуман-паши Чуприлича:

*Мож ли знати, јеси л' запазио,
кад пролази Ђупрелић везире
и похара тврду Гору Црну,
црногорске посјече главаре
на састанак и на вјеру тврду
на Ситницу под Ораховицу?
Не остаде ништа до камена
и крвава села на Трњине
од велике војске Ђупрелића. ...* [100, V, с.71].

Венецианско-турецкий союз против черногорцев в кампа-

нии 1717 года – не единственный в истории пример неприятельской взаимопомощи: через 50 лет со времен похода Чуприлич-визиря, Венецианская Республика опять предала своих славянских соседей, закрыв границы и таким образом оставив их без возможности пополнения запасов оружия и амуниции. А причиной очередного сплочения врагов стало появление в Черногории самозванца, представившегося российским убиенным императором Петром III, а вошедшего в историю под именем Степана Малого. Как же мог самозванец стать причиной военного наступления на Черногорию? Ответ на данный вопрос кроется в любви черногорцев к России и ко всему русскому. Владыка Василий Петрович Негош (1709-1766) «частыми рассказами о России и о своих поездках туда создал своеобразный культ этой страны, чем значительно поспособствовал тому, что в Черногории в XVIII в. посредством широкой народной молвы сложились предания о России, и у народа выработалась безграничная и непоколебимая вера в Россию, которая в Черногории была больше, чем в каком-либо другом регионе... Насколько русский культ в то время пленил Черногорию, лучше всего видно из полукомической авантюры афериста Степана Малого Райчевича» [139, с.497-498].

Правление в Черногории самозванца Степана Малого подробно описана Симой Милутиновичем в его «Истории Черногории», где автор наряду с историческим комментарием приводит эпическую песню, впоследствии включенную

Негошем в сборник «Зеркало сербское». По мнению исследователя Н. Банашевича, авторство данной песни принадлежит Петру Цетиньскому.

Следует отметить, что Негош, включая данную эпическую песню в свой сборник, значительно ее дополнил: у Симы Милутиновича – 128 стихов, а у Негоша – 358 стихов, что, в свою очередь, свидетельствует об особом интересе поэта к данному эпизоду истории.

В сборнике Негоша песня носит название «Шчепан Малаый», тогда как Милутинович в своем сборнике «*Пъваннїя черногорска и херцеговачка*» поместил ее под заголовком *Богованъ* [88, с. 78], а в «Истории Черногории» ее название вообще не указано: только из комментария читателю становится понятно, о каком самозванце идет речь. Негош же специально добавляет строку, в которой упоминает имя самозванца, подчеркивая тем его особую роль в истории своей страны:

Милутиновић:

*Што се едан чоек огласио
Под именом Цара Русинскога
Међу наше земле и државе,
У каменну ломну гору Церну;
За нега е народ прионуо,
Ка'но деца за своего Оца*
[87, с.96]

Његош:

*што се један човјек огласио
под именом цара русискога
међу наше земље и државе,
у проклету ломну Гору Црну.
Шћепан Мали зове се именом;
за њега је народ прионуо,
како ћеца за својега оца.
[100, V, с.160]*

И хотя в текстах обоих произведений самозванец не действует, и нет в них больше русских мотивов, тема России здесь представлена косвенно – черногорцы сражаются за православную веру, которая и роднит их с восточнославянским народом:

Удри сваки за вјеру ришћанску,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.